

Ата Ниязов / новелла

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Ата Ниязов / новелла АТА НИЯЗОВ

Его «открыл» для дивизионки Юра Кузес. С неких пор на страницах нашей газеты замелькала фамилия Ниязов. Она стояла обычно под самыми горячими, взволнованными, или, как любил говаривать наш редактор, «эмоциональными», корреспонденциями и по этой-то, видать, причине скоро перекечала и на полосы армейской газеты, породив ревнивое чувство у Шуренкова.

Когда в наших умах возникала какая-нибудь идея, сулившая в недалеком будущем «гвоздь», Кузес восклицал:

– Это может сделать только Ата Ниязов!

– А не подарит твой Ата нашу идею Погарскому? – сердито спрашивал Шуренков, имея в виду редактора армейской газеты, славившегося среди работников фронтовой печати сказочной репутацией виртуоза в журналистском деле. – Ты бы, Юра, хоть привел Ниязова в редакцию. Я б побеседовал с ним, разъяснил ему, что существует на свете такая штука, которую зовут газетной этикой. А еще лучше – проводи меня сегодня же к нему, – вдруг решил капитан.

Под вечер Кузес и Шуренков отправились на передовую.

Миновав урочище, они очень скоро достигли того места, где когда-то было селение, а сейчас только мрачные, черные и длинные печные трубы, жутко целившиеся в небо, говорили о том, что селение тут все-таки стояло. Сколько же лет оно стояло? Сто... двести... триста? А может, и всю тысячу? Сколько поколений родилось тут, жило, умерло, вновь родилось, опять умерло и опять родилось?! Сколько девичьих песен прозвенело, сколько влюбленных сердец протрепетало...

Шуренков нахмурил белесые брови, по-ребячьи шмыгнул носом и еще раз окинул взглядом безрадостную картину. Уродливые обломки домов, щербатые черные провалы погребниц, заброшенные, полусгнившие, запыленные колодцы, в которых где-то глубоко-глубоко печально и тускло брезжила вода, подернутая неживой

пленкой, точно глаз тяжело раненного умирающего человека.

От такого зрелища на душе становилось тоскливо и одиноко. Хотелось скорее бежать отсюда, увидеть людей и говорить с ними, говорить... Но для этого Шуренкову и Кузесу надобно было метров двести проползти по-пластунски, спрыгнуть в ход сообщения и по нему спуститься к реке, отыскать там землянку заместителя командира батальона по политчасти гвардии капитана Ниязова – этого чудесного, по словам Кузеса, туркмена.

Ползли они минут сорок, а казалось – целую вечность. Немцы почему-то облюбовали этот клочок земли, названный нашими солдатами «долиной смерти», для своих методических минометно-артиллерийских налетов: когда б ни полз через эту проклятую долину, обязательно угодишь под обстрел.

Кубарем свалившись в ход сообщения, журналисты некоторое время сидели на его дне и, потные, грязные, виновато глядели друг на друга, будто совершили что-то стыдное, недостойное настоящего человека. Вот и скажи теперь кому-нибудь о своей удали, когда ползаешь на животе перед противником... На войне, как известно, ползают на брюхе все, но никто еще не испытывал при этом радости и никому еще в голову не пришло похвастаться этим...

– Вас не задело, товарищ капитан? – спросил редактора жалостливый Кузес, оглядывая маленькую, щуплую, далеко не воинственную фигурку сидящего перед ним человека.

– Нет, ничего, Юра. Пойдем дальше.

Они поднялись и быстро пошли, ориентируясь по указателям, расставленным по всему ходу сообщения, к реке. Низкорослый Шуренков шагал не пригибаясь. Кузесу же приходилось переламяваться в узкой своей, девичьей талии чуть ли не надвое, чтобы его голова не маячила над траншеей.

По тугой прохладе, властно вторгнувшейся в траншею и вдруг обнявшей их, они поняли, что река близко. Заспешили.

– Ну, скоро, что ли? – нетерпеливо спросил Шуренков.

– Сейчас, товарищ капитан. Вон за тем изгибом...

За изгибом траншеи их остановил было черный, как египтянин, солдат, но, быстро узнав Кузеса, обрадовался, заулыбался, сверкнул белой молнией зубов, сказал:

– Наш Юрыка пришель... хорошо пришель! Каптан в блиндаже...

Откинув плащ-палатку, служившую дверью, Шуренков, а за ним Кузес ступили в землянку и тотчас же закашлялись от густого, горячего и пахучего пара, хлынувшего в легкие, – вот так бывает, когда ты из предбанника открываешь дверь в парную деревянной бани где-нибудь на средней Руси.

В ответ на кашель журналистов откуда-то из-за этого густого, многослойного пара раздался сочный, неудержимо радостный смех, а затем послышались и слова, такие же сочные и веселые:

– О вай-вай-вай! Юрыка!.. Редактор!.. Давай сюда. Будем чай пить, наш, туркменский... Товарищи бойцы, посторонись мало-мало!..

Пар вылетел, как в трубу, через дверь землянки. Теперь Шуренков мог хорошо рассмотреть своего испытанного военкора и всех остальных, кто находился в блиндаже. Гвардии капитан Ата Ниязов, широкоплечий, коротконогий, большерукий, с черными, горячо поблескивавшими глазами, с горбатым носом, под которым пучок аккуратно подстриженных аспидной черни усов, узколицый, сидел на дне землянки, сложив ноги по-восточному, кренделем, и держал в руке на уровне рта большую пиалу. У его ног стояло ведро, наполненное какой-то темно-зеленой жидкостью, источавшей терпкий, ароматный запах.

Вдоль стен точно в таких же позах сидели солдаты – русские, туркмены, казахи, украинцы, узбеки – и держали в руках большие жестяные кружки. Лица их лоснились и от пота и от широких улыбок, не успевших сойти после веселой беседы.

– Это мои ежедневные гости, – указал Ниязов на бойцов. – Пулеметчики, стрелки, связисты... Герои! Фрица бьют, знаешь, как! Вай-вай-вай! Как они его бьют!.. Слю-шай, расскажу... Вон видишь... это Иванченко... Вчера разведка боем бил... Так Иванченко из своего «максимки», знаешь, сколько фашистов уложил? Вай-вай-вай!.. – Ниязов опустил пиалу на пол и тут же извлек из кармана конверт. – Давай бери, редактор, для своей газеты. Тут все написано, вместе с комбатом Коноваловым писали. Бери! Вай-вай, сколько он их убил!..

Ата присвистнул и опять радостно захохотал.

Засмеялись и солдаты. Засмеялся Кузес. Растянулись в невольной улыбке и тонкие, бледные губы неулыбчивого нашего редактора.

Ниязов тем временем принялся рассказывать по очереди обо всех сидящих в блиндаже, и из его рассказов получалось, что тут были одни герои – вот только никак нельзя было из его слов уразуметь, какой же из них самый главный герой.

Наконец Ата скомандовал своим гостям:

– Ну, товарищи, теперь па мистам! Пускай другие идут в мою чайхана. Весь батальон буду угощать!

Вскоре землянка наполнилась второй партией солдат, а за второй явилась третья.

Ата сидел на своем месте, как заправский чайханщик. Пот ручьями катился по его лицу, атласно блестела смуглая кожа, сверкали рафинадной белизны зубы, оттененные черной щеткой усов под вислым носом. Бойцы тоже были потные. От их молодых, здоровых распаренных тел веяло бодрящим духом живой плоти.

Кузес шепнул на ухо Шуренкову, что Ата Ниязов не хвастается, что такой уж порядок заведен у него в батальоне и что поэтому-то солдаты так любят своего замполита, своего «туркменчика».

Они просидели у Ниязова до полуночи, и редактор так и не сказал хозяину о «газетной этике». Ата проводил их до опушки леса, проползши туда и обратно по-пластунски, а когда вернулся к себе, раздались первые выстрелы...

Днем мы узнали, что Ата с небольшой группой своих солдат был отрезан от батальона и окружен немцами, что все попытки прорваться к окруженным пока безуспешны.

– Товарищ капитан, разрешите мне пойти туда! Товарищ капитан! – умолял Юра редактора.

Тот долго не соглашался, но под конец все же уступил:

– Ладно. Но только пойдем вместе.

И вот они лежат в солдатской цепи, готовящейся к очередной контратаке. Оттуда, где находилась землянка Ниязова, доносятся винтовочные выстрелы, автоматные очереди: частые и гулкие – наших ППШ, редкие и дробные – немецких; изредка – гранатные разрывы. Среди лежавших рядом, трудно, горячо дышавших солдат Шуренков и Кузес узнают своих вчерашних знакомых, тех, с которыми они «гоняли чай» в ниязовской чайхане.

– Ребята, неужели не прорвемся, а? – спрашивал Кузес, воинственно щелкая затвором карабина, взятого напрокат у

старшины стрелковой роты.

Солдаты, между тем, молчали. Только темные тугие желваки вспухали на побледневших скулах.

На этот раз они прорвались. Шуренков и Кузес не успели даже сообразить, как это все произошло, когда увидели Ниязова, всего израненного, на солдатских руках. Заметив журналистов, он как-то неловко улыбнулся, сказал слабо:

– Иванченко... вай-вай-вай! Сколько он уложил фашистов! Напишите о нем, ребята! Я не могу, вот вернусь, Тогда...

Кузес и Шуренков написали. Но не только об Иванченко. Это была первая корреспонденция, в которой рассказывалось и о подвиге – далеко не первом подвиге – нашего военкора и нашего друга Аты Ниязова.

Позже, вернувшись из госпиталя, он очень сердился, что газета так поступила:

– Вай-вай... Зачем? Как я теперь буду глядеть в глаза солдатам? Нашли героя! Иванченко – то да! А я?

Мы, однако, нисколько не опасались за его авторитет и были, конечно, правы: с той поры солдаты еще крепче привязались сердцем к своему замполиту. А он по-прежнему писал обо всех своих боевых побратимах в нашу газету.

Потом Ниязов уехал на учебу.

Где он сейчас? Кто они, эти счастливы, которые каждый день могут слышать его сочный, исполненный незамутненного ребячьего счастья смех?

Михаил АЛЕКСЕЕВ. Некаýalar